

В исследовании недостаточно подчеркнута центральная проблема — выявление тех изменений, которые происходят в жизненном укладе деревни под влиянием развивающегося горнодобывающего промысла. Эта основная линия работы теряется в массе привлекаемого материала.

Постановка центральной проблемы требует привлечения большого сравнительного материала. Между тем историко-сравнительный метод широко используется авторами только при изучении ими старых элементов и форм культуры (например, для выяснения их общесловацкой основы). В отношении же вновь складывавшихся бытовых форм сопоставление с окружающей Жакаровце средой (крестьянской и особенно — городской) почти не проводится. В книге не говорится о том, каков был культурно-бытовой облик рабочих соседних, более крупных промышленных центров, например городов Гелнице и Кромпахи, с которыми Жакаровце искони поддерживало тесные связи. Не вскрыта и специфика быта отдельных групп населения Жакаровце, в частности пришлого, среди которого имелся значительный контингент квалифицированных и политически более сознательных рабочих. Все исследование проведено вне учета этих исторически складывавшихся культурно-бытовых взаимосвязей, в силу чего самый процесс развития культуры и быта рабочих оказывается в монографии обедненным. Правильно подчеркивая ведущую роль экономики, авторы, однако, недоучитывают значения других факторов общественной жизни, что приводит к упрощенному пониманию развития общества, к попыткам объяснить все изменения, происходящие в культуре и быте населения, непосредственно из развития производства, из экономики.

Существенным пробелом монографии является отсутствие специально разработанной темы о семье. Вопросы этого касается Б. Филова в своем вступительном очерке, однако она останавливается лишь на общем процессе изменения форм семьи; самый же характер внутрисемейных отношений не раскрыт автором на конкретном материале. Да это и трудно было сделать при сжатом и схематичном изложении вступительного очерка. Нам представляется, что тема семьи, являющаяся одной из важнейших при монографическом изучении быта, должна была стать предметом специального исследования и составить особую главу книги. Всестороннее изучение семьи помогло бы глубже и полнее показать процесс становления культуры и быта рабочего населения Жакаровце — задача, на разрешение которой направлена монография в целом.

Не вполне удалась авторам попытка проследить изменения, которые происходят в культуре и быту населения Жакаровце в результате победы народно-демократического строя. Это большая задача, сложность которой усугубляется тем, что за последние 40 лет Жакаровце, как отмечалось выше, перестало быть только горняцким поселком. В настоящее время более $\frac{2}{3}$ населения работает в других отраслях промышленности. Жизнь современного поселка стала неизмеримо сложнее, многограннее, что обусловлено рядом факторов — вовлечением населения в социалистическое производство, ростом культуры, образованием в рабочих семьях интеллигентской прослойки, значительно расширившимися по сравнению с прошлым связями с городом и промышленными центрами и т. д. Без учета всех этих явлений не может быть понята сущность происходящих в современном быту процессов.

С этой точки зрения следует признать, что современный период, схематически очерченный Б. Филовой в ее вступительном очерке, недостаточно разработан в последующих главах книги. Характеризуя возникновение тех или иных новых явлений, авторы ограничиваются большей частью простой констатацией фактов, не ставя их в связь с глубокими общественно-экономическими и политическими изменениями, которые происходят в наше время. Более того, авторы исключили из сферы своего внимания ту группу населения, которая не связана сейчас с горняцкой работой. А ведь это в основном молодежь, которая всегда более быстро усваивает все новое. В конечном счете общая тенденция развития современного быта оказалась в монографии недостаточно раскрытой.

Несмотря на отмеченные недостатки, неизбежные при каждом новом начинании, монография в целом представляет большой научный интерес. Словацкие этнографы проделали серьезную работу. Их бесспорной заслугой является то, что они смело взяли за новую, еще совершенно не разработанную проблему и сделали крупный вклад в этнографическое изучение жизни рабочих.

В. Крупнянская, Н. Грацианская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

N. Datta-Majumder. *The Santal. A study in culture-change*, Calcutta, 1956.

В 1956 г. в Калькутте была издана работа известного индийского ученого Н. Датта-Маджумдера, являющаяся первой монографией о санталах — самом крупном народе группы мунда. До того основными источниками по культуре и быту этого почти трехмиллионного народа — потомков древнейшего населения Индии являлись отдельные небольшие статьи, рассеянные по различным изданиям.

Прежде большинство санталов жило на территории округа Сантал Паргана, в штате Бихар. Однако в результате грабительской политики английских колонизаторов

ров, приведшей к массовому обезземеливанию и обнищанию санталов, значительная часть их в поисках работы переселилась в другие районы. В настоящее время лишь 800 тыс. санталов живут компактной группой на территории округа Сантал Паргана, остальные расселились в смежных с ним округах Бихара и Восточного Бенгала, а 64 тыс. чел. — в округе Бирбхум, в Западном Бенгале, на границе с Сантал Паргана.

Культура и быт, весь уклад жизни санталов Бирбхума, оказавшихся в силу особых исторических условий оторванными от основной массы своего народа, претерпели ряд изменений под влиянием окружающих их бенгальцев. В рецензируемой книге сопоставляется жизнь двух групп санталов: округов Сантал Паргана и Бирбхум¹. Главная задача, которую ставит себе автор, — «сравнительное изучение результатов аккультурации санталов этих двух областей» (стр. 18).

Монография Н. Датта-Маджумдера — добросовестное исследование. Автор не только обобщил разрозненные сведения о санталах, относившиеся преимущественно ко второй половине XIX в.², но и ввел в научный оборот результаты собственных полевых исследований, которые он проводил в течение ряда последних лет в Сантал Паргана и Бирбхуме. Это дало ему возможность проанализировать развитие сантальского общества со времени британского завоевания (предшествующий период рассмотрен лишь в самых общих чертах) и вплоть до наших дней.

Книга согрета симпатией и сочувствием к талантливому и многострадальному сантальскому народу. Автор убедительно показывает, что санталы на протяжении длительного времени являлись объектом безудержной эксплуатации со стороны британских колонизаторов, а также индийских помещиков и ростовщиков. Со страниц книги встает правдивая и печальная история постепенного превращения санталов из «владельцев земли в плательщиков ренты и издольщиков» (стр. 54).

В работе обстоятельно рассматривается социальная организация санталов. Автору удалось выявить характерные черты сантальской общины. Приведенный им этнографический материал (описание родоплеменной структуры, обычаев, системы религиозных представлений), а также очерк экономической и политической жизни свидетельствуют о том, что перед нами народность с далеко зашедшим процессом разложения родового строя. Второй вывод, который с полным основанием делает автор: санталы прочно сохраняют многие собственные социальные институты и самобытную культуру, хотя они и испытали сильное влияние других народов. Это относится не только к населению Сантал Паргана, но и к санталам Бирбхума, несмотря на частичную ассимиляцию последних.

Автор с большим уважением пишет о своеобразной материальной и духовной культуре санталов. Из поля его зрения не ускользают даже такие «мелочи», как большие познания санталов в области народной медицины, насчитывающей 305 различных собственных средств для излечения людей и 15 — для скота.

Особенно большое внимание уделяется духовной культуре санталов — фольклору, песням, танцам, музыке, снискавшим общее признание в Индии. Отмечая, что в Бенгале имеет место не только влияние бенгальской культуры на сантальскую, но и наоборот, Н. Датта-Маджумдер пишет, что в университетах Шантиникетан и Шриникетан «усвоили сантальские песни и танцы и ввели их в программу обучения. Сантальская жизнь дала сюжеты ряду прекрасных поэтических произведений Рабиндранат Тагора» (стр. 125).

В приложении к монографии даны карты расселения санталов и много иллюстраций, что повышает познавательную ценность исследования Н. Датта-Маджумдера.

Таковы главные достоинства этой работы. Но есть в ней и ряд спорных моментов и недочетов. На всем протяжении исследования, и особенно в специальной главе «Взаимодействующие силы», автор подробно рассматривает характер и сущность влияния окружающих народов на общественную жизнь и культуру санталов. Анализ этот, производимый с позиций школы аккультурации, не может нас удовлетворить.

Справедливо указав, что начиная с середины XVIII в. главными факторами, влиявшими на сантальское общество, были индуизм, британская колониальная администрация и христианство, автор, однако, в процессе исследования не видит принципиальной разницы между этими тремя «силами». Н. Датта-Маджумдер перечисляет действия колониальной администрации, оказавшие влияние на сантальскую культуру. Этот перечень стоит привести, чтобы показать, как механически ставят рядом главное и несущественное представители школы аккультурации:

- а) аграрные законы, приведшие санталов к потере общинных земель;
- б) ограничение права пользования лесами;
- в) запрещение готовить и употреблять свой национальный напиток;
- г) назначение и смещение сантальских сельских старост и других должностных лиц общины по усмотрению британской администрации;

¹ Датта-Маджумдер описывает население тех деревень округа Бирбхум, которые расположены вблизи университетов Шантиникетан и Шриникетан, основанных Рабиндранат Тагором.

² Некоторое недоумение вызывает отсутствие в обширном библиографическом списке таких важных источников, как фундаментальное издание «Encyclopaedia Mundarica» (Patna, 1930), или исследование P. Biswas — «Religion, Laws and Government of the Santals» (в «Journal of the Department of Letters», т. XXVI, стр. 1—84).

- д) запрещение заниматься колдовством и магией;
- е) установление английской администрации на территории санталов, что подрывало авторитет общины и сельского панчаята;
- ж) увеличение числа безземельных и появление отходничества.

Социально-политические изменения в сантальском обществе рассматриваются автором изолированно, вне связи с большими историческими процессами, затронувшими всю Индию. Отсутствие широкого взгляда на историю и правильной исторической концепции привело Н. Датта-Маджумдера к одностороннему освещению развития сантальского общества, к смешению несопоставимых явлений при анализе культуры санталов.

Стремление объявить любые изменения в жизни общества результатом аккумуляции не оправдано. Когда автор утверждает, что культура и быт санталов Бирбхума подверглись изменению под влиянием бенгальцев, — это справедливо. Но такие изменения в социально-экономической жизни санталов, как, например, исчезновение собирательства, падение роли земледелия и появление новых занятий (отходничество, работы в качестве домашних слуг и сезонных рабочих), вызваны не так называемой аккумуляцией. Это — одно из следствий широкого проникновения капиталистических отношений в индийскую деревню, процесса, в той или иной степени затронувшего все уголки Индии.

Несколько неожиданным представляется вывод автора о том, что «традиционная демократическая организация санталов Бирбхума оказалась более устойчивой», чем в Сантал Паргана (стр. 123). В доказательство этого тезиса Н. Датта-Маджумдер приводит такие факты, как выборность панчаятов из среды санталов в Бирбхуме, равенство всех санталов Бирбхума, выражающееся в том, что у них «отсутствует иерархия» и «благополучие каждого члена общины зависит от его собственного труда», а также в невозможности использовать наемный труд из-за недостатка средств и в легкости, с какой можно покинуть свою общину для заработка на стороне (стр. 95—96).

Приведенные аргументы свидетельствуют главным образом о низком материальном уровне жизни санталов и «свободе их от земли», но не об устойчивости «демократической организации» санталов Бирбхума.

По существу же именно санталы Сантал Паргана гораздо больше сохраняют в своем общественном строе ту, употребляя выражение автора, «демократию, которая является традиционным признаком сантальской социальной организации» (стр. 94). У санталов Бирбхума практически исчез такой важный общественный институт, как большой праздник ежегодной охоты «Ло бир», объединяющий всех санталов. Сантал Паргана. Сантальские сельские общины Бирбхума не сохранили объединений в паргана — группирование нескольких общин во главе со своими выборными должностными лицами. И в этом смысле можно говорить о частичной ассимиляции санталов Бирбхума бенгальцами, среди которых они иногда даже считаются особой кастой.

Вызывает возражение и тезис автора о том, что главным аргументом в пользу общности санталов и соседних с ними индоевропейских народов является наличие у тех и у других эндогамии — племенной у санталов и кастовой у индусов, которую «вряд ли можно объяснить чем-либо другим, кроме обоюдного заимствования» (стр. 126). Не вдаваясь в дискуссию о том, что кастовая и племенная эндогамии по природе своей различны, ограничимся лишь одним возражением — нельзя основывать сравнение на сопоставлении общих черт социальной организации, свойственных на определенном этапе истории большинству народов. Идя по такому пути, можно было бы установить родство и близость самых далеких друг от друга народов.

Настойчиво подчеркивая на протяжении всего исследования, что судьба санталов Бирбхума находится в надежных руках общественных деятелей университетов Шантиникетан и Шриникетан, приобщающих их к бенгальской культуре и политической жизни, Н. Датта-Маджумдер преувеличивает значение этой просветительной деятельности, которая, конечно, не может решить коренных проблем, стоящих перед санталами Западного Бенгала.

В упрек автору можно поставить и невнимание к движению народов мунда, живущих на плато Чхота Нагпур, в том числе и санталов Сантал Паргана, за выделение Чхота Нагпура в особую провинцию. Н. Датта-Маджумдер не дает оценки этого национального по своему характеру движения, равно как и не делает никаких выводов относительно возможных путей дальнейшего национального развития санталов Сантал Паргана.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемая монография — знаменательное событие в индийской этнографической науке. Появление этой книги, затрагивающей, кроме чисто научных вопросов, и политические, несомненно, привлечет еще большее внимание передовой индийской общественности к судьбе сантальского народа.

Б. Я. Волчок